Вечером Елена Андреевна зашла на кухню и поставила на плиту чайник. Глядя в распахнутое окно, прислушиваясь к гулким детским крикам, воркованию голубей и шелесту листвы, она не могла отделаться от ощущения, что двор-колодец наполнен остановившимся временем, словно прозрачной, пронизанной солнцем водой. Все, как и сорок лет назад, подумала она, но чего-то все же не хватает. Ах да... Не хватает малости — звуков пианино из какой-нибудь квартиры.

Телефонный звонок прозвучал резко и настойчиво. За прошедшую зиму она ослабла, и ей потребовалось время, чтобы дойти до аппарата.

— Бабуля, это я! — услышала она возбужденный голос внука. — Я уже в аэропорту, через час вылетаю. Ты знаешь, стоит мне зайти в аэропорт, и я уже такой счастливый! Здесь я чувствую настоящую жизнь! Все в движении, в ожидании чего-то нового! Такое чувство, что я… вот-вот взлечу!..

— Ладно-ладно, успокойся, — усмехнулась она, — и перестань говорить восклицательными знаками.

— Бабуля, тебе хватит тех продуктов, что я закупил?

— Всего мне хватает.

— Мне в голову пришла потрясающая идея, сегодня к тебе придет Лена. Помнишь, я тебе о ней рассказывал? Представляешь, ее тоже зовут Лена! Хочу, чтобы ты с ней познакомилась. Она самая чудесная!

— Славик, недавно расшифровали древнеегипетский текст, и там были написаны эти же самые слова — «она самая чудесная». Нет, я сегодня планировала поработать. Мне никого не хочется видеть. Я должна настроиться, подумать...

— Бабуля, Лена так мечтает с тобой познакомиться, она прочитала все твои книги…

— Хорошо, пусть заходит, я дам ей автограф.

— Только побереги ее от своих шуточек. Не шокируй ее. Дай ей продержаться хоть один раунд. Она ведь еще не знает тебя и может что-то не так понять… Да, кстати, мне тут надо для конкурса написать юмористический рассказ, условие — должно быть ровно двести слов. Дай идею.

— Вот тебе сразу готовый рассказ, запоминай. Друзья решили однажды подшутить над рядовым Шульцем и подпилили доски в туалете. Итак, написано десять слов. Остальные сто девяносто слов сказал рядовой Шульц, когда провалился в туалет…

— Бабуля, остановись. Вот-вот, ты там осторожнее с такими шуточками. Все, уже бегу на посадку. Прими ее хорошо, чаек там попейте. Второй такой просто нет!

— И с этой фразы неплохо было бы обмести паутину. Позвони ей, пусть по пути купит четыре батарейки-пальчика. Я давление не могу измерить.

— Хорошо, позвоню. Уже бегу!

Ну вот, подумала Елена Андреевна, вечерняя работа сорвана. Хотя батарейки тоже нужны, так что хоть какая-то польза будет от этой… «самой чудесной».

Звонок в дверь прозвучал, когда она, устав ждать гостью, села за письменный стол и погрузилась в работу. Стараясь подавить раздражение, Елена Андреевна открыла дверь.

Ну да, как я и думала, рыженькое миниатюрное существо — отметила она. Вот какой у Славика вкус!..

— Здравствуйте! — выдохнула девушка. — Вы Елена Андреевна?

— Да-да, заходи, деточка, — ответила она, стараясь скрыть раздражение.

— Меня тоже звать Лена. Я так запыхалась, пока поднялась к вам на десятый этаж. У вас лифт не работает.

— Ах, вон что!

— Слава просил купить вам батарейки. Вот они… Фу-ф! Представляете, сзади меня…

— Позади меня…

— Что? А, да, спасибо, позади меня шел по лестнице какой-то тип с огромным догом! Этот отморозок так поводок отпустил, что дог дышал мне в спину…

— Это из четырнадцатой квартиры.

— Так, батарейки я дала… Ну, я пойду…

— Да ты что! Ни в коем случае. Вон и гроза приближается, слышишь, как гремит. И, кроме того, Славик велел напоить тебя чаем.

— Правда?.. Ой, совсем забыла, я же купила коробку вкусного печенья. Вам можно сладкое?

— Да, я недавно проверяла кровь, сахар у меня в норме. Заходи в комнату.

В большой комнате Елены Андреевны было прохладно. Окно занимало полстены, и за ним горела полоса заката. Ветерок чуть шевелил листы бумаги на столе, тихо гудел компьютер.

— В сто сорок солнц закат пылал, — сказала Лена, подходя к окну. — Обожаю рисовать закат.

— Да, внук говорил, что ты поступила в Академию.

— Да, — радостно повернулась к ней Лена. — Представляете! А сколько было недоразумений… Когда в первый день пришла на экзамен, то не нашла себя в списках, решила, что меня не допустили. Я разревелась и пошла к выходу, а навстречу идет Илья Глазунов, спросил, в чем дело, я рассказала, что не нашла себя в списках, и он пошел со мной на кафедру. Разобрались... Оказалось, что по ошибке меня не вписали. А ведь могла бы уйти.

— И слава Богу! Пойди на кухню, подогрей чайник. У меня три сорта чая, сейчас почаевничаем!

Лена убежала на кухню, и оттуда донесся ее голос:

— Я вам свой телефон оставлю. Если что, я могу в магазин сходить.

— Какой чай заварим? — спросила Елена Андреевна входящую с чайником Лену. — Черный или зеленый?

— Давайте черный, чего мы тут, медитировать, что ли, собрались, — хмыкнула Лена. — Так и подмывает спросить, что вы сейчас пишете, но у меня в доме есть соседка, она доктор, так она мне говорила, что стоит только людям, в поезде или на отдыхе, узнать, что она терапевт, так ни о чем другом, кроме своих болячек, с ней уже никто не разговаривает. Так что не буду спрашивать…

— Да, это будет правильней всего… А покупать мне особо ничего не надо. У меня есть соседка, она мне часто помогает. Хотя… очень она меня раздра-

жает. На днях изрекла: «Если бы не я, то мой муж помер бы под забором, как Лев Толстой!»

— Может, это у нее чувство юмора такое? — спросила Лена, разливая чай.

— Бери конфетку… Не думаю. Но иногда у нее проскальзывает и кое-что дельное. В последний раз она сказала: «Свобода — это когда ты никому не нужен». Это уже неплохо. Но, это уже голос старости. Хотя… я в первый раз в жизни почувствовала свободу, когда закончила школу. Только не спрашивай, в каком году это было. Достаточно будет, если я скажу, что это было уже после падения Римской империи. Так вот, я остро тогда испытала чувство свободы и одновременно с этим почувствовала, что никому больше не нужна. Никто меня больше не будет ни о чем спрашивать, не будет экзаменовать, не будет поучать. Полная свобода! Никому не нужна! Никому нет до меня дела. Иди на все четыре стороны.

— А… родители?

— Это отдельная история. В другой раз. Не было у меня к тому времени родителей. — Она чуть помолчала и сказала: — Знаешь, Лена, старость очень напоминает детство. Мир вокруг ребенка очень узок, с годами он растет, расширяется — колыбель, комната, двор, город, весь мир… А потом в обратном порядке — город, двор, комната, постель...

— Я как-то не думала об этом.

— И ни в коем случае не думай. Просто живи. Молодость ведь дается человеку для того, чтобы он собирал материал для раздумий в старости. Вот и собирай его… Бери еще конфетку.

— Спасибо! Очень вкусные конфеты!

— А ты заметила, Лена, что мужчины и женщины по-разному едят конфеты? Женщина, в отличие от мужчины, откусив кусочек, обязательно внимательно рассмотрит начинку, так же, как ты сейчас это делаешь.

— Хм!.. Мужчины, они вообще невнимательные. Слава никогда не помнит, во что я была одета.

— Мужчин в женщинах, при всем их поверхностном подходе, интересует главным образом внутреннее содержание…

— Знаете, с вами так хорошо!

— Да и с тобой хорошо…

— Слава мне столько всего про вас понарассказывал, что я боялась к вам идти. Представляете, поднимаюсь по лестнице, позади дог, а впереди вы. Вот, думаю, влипла!

Елена Андреевна улыбнулась.

— Что же он обо мне «понарассказывал»?

— Вы думаете, я помню? И еще кучу наставлений дал. Сейчас припомню… А!.. Он сказал, чтобы я с вами не спорила и говорила вам только правду.

— Несовместимая комбинация.

— Наверное, так он мне советовал просто помалкивать. Я еще конфетку возьму, последнюю… Да, вы правы, не могу с собой справиться, все время хочется разглядеть начинку.

— Угощайся, давай еще чаю налью. Ты про себя расскажи. Как живешь, кто твои родители…

— Ну, вот… Очень боялась этого вопроса! Ладно! Похвастать мне нечем. Мама умерла, когда я была совсем маленькая. Отец стал пить. Жили мы очень бедно. Все детство я запомнила как одну сплошную бедность… Видели, как на улице милостыню просят? Однажды отец заставил меня милостыню на улице просить, я тогда в первом классе была. Один только раз я это делала. Я сидела у входа в «Детский мир» и смотрела на ноги людей, а когда так долго сидишь и смотришь

на ноги прохожих, то ужасно мутит… Немного денег я собрала и в этом же «Детском мире» купила себе акварельные краски. Да, я забыла рассказать… В нашем же доме жил художник, на чердаке у него была мастерская, и он вел там занятия с учениками, готовил их к поступлению в Академию. Ну а я совсем маленькая была, с мальчишками по крышам лазила, по чердакам, вот и набрела на его мастерскую, стала в дверь подсматривать. Он разрешил мне приходить и смотреть, как рисуют. Дал мне бумагу, краски, я сидела рядом со взрослыми учениками и рисовала свои любимые закаты. А потом художник стал со мной заниматься, научил рисовать куб, шар, конус, натюрморты, человека… Отец мой умер, когда я была в пятом классе. У меня совсем никого не осталось, и наш завуч взяла меня жить к себе домой. Она стала моей второй мамой. Вот и все про меня…

В комнате потемнело, ветер распахнул окно и с шипением раздул штору. Гром прогремел так, что, казалось, вздрогнул весь дом.

— Ну и грозанет сейчас! — воскликнула Лена, подходя к окну. — Я, наверное, помешала вам работать. Вот дождь пройдет, и я пойду домой... Ой, сколько у вас книг по искусству, почти все передвижники есть! Сейчас ведь никто не понимает передвижников… Да и вообще, сейчас искусством мало кто интересуется, у всех мысли о деньгах. Так смешно!.. Я иногда представляю себе: Вселенная, множество солнечных систем, тьма звезд и планет, и все на них безжизненно… И вдруг во всем этом невообразимо чудовищном пространстве появляется чудо — крохотная планета, и на ней есть жизнь! Есть солнце, воздух, вода, и есть существа, которые мыслят, чувствуют… И вот это чудо, это мыслящее существо, эта искорка сознания во всей Вселенной встает поутру и… начинает думать о деньгах или идет собирать бутылки, или просить милостыню… Что-то в этом не так…

— А когда ты чувствуешь, что живешь правильно?

— Всегда… когда понимаю, что живу неправильно, — рассмеялась Лена. — Но правильнее всего я живу, когда люблю и когда рисую. Верно говорят, что человек появился потому, что Вселенная просто-напросто захотела увидеть себя со стороны и осознать себя. Мы — глаза Вселенной, ее уши… О, гроза прошла, смотрите, солнце за окном сделало все золотым!

Елена Андреевна, пригубив чашку чая, смотрела на стоящую у окна Лену. Ее рыжие волосы были похожи на пылающий закат.

— Как там Вселенная, не хочет посмотреть, что есть в моем холодильнике? — спросила вдруг она. — Слава там столько вкусного накупил. Мы тут конфеты едим, а про ужин и забыли.

— О, Славку я знаю! — воскликнула Лена, быстро направляясь на кухню. — Сыр «бри» там точно будет. Обожаю его! Когда я ем сыр «бри», то тоже чувствую, что живу правильно…

Из кухни послышался звук открываемого холодильника и звяканье блюдец.

— Скоро Славка должен позвонить, рассказать, как долетел, — послышался из кухни голос Лены. — Вот он удивится, что я еще здесь. Он-то думал, что вы меня быстренько выставите… А где у вас хлеб?

— Иду-иду…

Елена Андреевна встала, подошла к столу, раскрыла широко окно, наполнив комнату дуновением свежей, вечерней прохлады, и, чуть подумав, выключила компьютер.